

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 316.3

СЕРГЕЙ ШАВЕЛЬ,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий отделом социологии инноваций
Института социологии НАН Беларуси
(Минск)*

Концептуализация понятия социальной сферы в социологии

Аннотация

Рассматривается проблема концептуализации сферного подхода в социологии в связи с актуализацией ноосферных идей и разработок. Анализируются варианты структурного описания общества с возможным использованием сферных категорий.

Ключевые слова: *ноосфера, сфера общества, социальная сфера, социальный институт, системная дифференциация, социальный порядок*

Потребность в углубленной разработке сферного подхода в социологической науке связана с обращением к ноосферным идеям. Эти идеи постепенно и, хотелось бы надеяться, необратимо входят в общественную жизнь, кристаллизуются в нормативно-ценностных структурах сознания, пронизывают мировоззрение, убеждения и установки все большего числа людей, формируя тем самым их жизненные ориентиры и мотивы деятельности. Кардинальное отличие ноосферных идей от многих других — политических, социальных, культурных и других — в том, что они *ab ovo*, по своей природе являются планетарными, адресованными всему человечеству, а значит, не допускающими диверсификации процессов их реализации и приватизации результатов. В этом их великая эволюционная сила, о чем так проникновенно писал Тейяр де Шарден (1881–1953). “Удача и честь нашего краткого существования заключается в его совпадении с преобразованиями ноосферы” [Шарден, 1987: с. 172]. Но в этом же и трудность продвижения ноосферных идей в жизнь, ибо в расколотом мире отдельные государства, блоки, группировки, транснациональные компании, промышленно-финан-

совые группы и т.п. озабочены прежде всего тем, чтобы в интеллектуальной области, в совокупном разуме человечества найти то, что дает им хотя бы кратковременное преимущество перед другими. На эту сторону ноосферные мыслители не обращали должного внимания, будучи уверены, что переход биосоциосферы в новое качественное состояние произойдет эволюционным путем, как бы сам по себе. Ноосферная проблематика представляет собой отдельное предметное поле исследований, охватывающее экологию, синергетику, экономику и другие направления (см.: [Никитенко, 2008]). Я же отмечу лишь некоторые ее аспекты применительно к теме данной статьи.

Первые ноосферные представления, как видно из этимологии термина (от греч. *noos* — разум, *sphaira* — сфера), зародились в Древней Греции как сочетание логических обоснований рациональности и пифагорейского учения о гармонии сфер. Т. де Шарден обратил внимание на “внешне банальный факт, в котором, однако, в действительности проявляется одна из самых фундаментальных черт космической структуры — округлость Земли” [Шарден, 1987: с. 190], то есть замкнутость и ограниченность жизненного пространства планеты. Для социологии же особенно важен один из эвристических моментов, содержащийся в следующем положении автора: “Что на самом деле представляет собой хитросплетение наших социальных рамок, какими бы условными и изменчивыми они ни казались, как не усилие мало-помалу выделить то, что однажды должно стать структурными законами ноосферы? Если только искусственное, моральное, юридическое сохраняет свои жизненные связи с потоком, поднимающимся из глубин прошлого, то не является ли оно просто гоменизированным естественным, физическим и органическим” [Шарден, 1987: с. 177]. Некоторые авторы, не употребляя термин “ноосфера”, развивали сходные идеи даже раньше Т. де Шардена и В.И.Вернадского. Так, известный русский софиолог С.Н.Булгаков еще в 1912 году писал: “Природа, достигнув в человеке самосознания, способности труда над собой, вступает в новую эру своего существования. Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразовательный, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы. Эпоха *хозяйства* есть столь же характерная и определенная эпоха в истории земли, а через нее и в истории космоса, что можно с этой точки зрения всю космогонию поделить на два периода: инстинктивный — до появления человека, и сознательный, хозяйственный — после его появления” [Булгаков, 2008: с. 120].

Родоначальник ноосферного учения В.И.Вернадский в 1945 году, накануне Победы над фашизмом писал: “Мы уже вступили в ноосферу”. Однако спустя 44 года, в 1989 году, один из активных разработчиков теории ноосферы академик АН СССР Н.Н.Моисеев констатировал: “Мы по-прежнему еще очень далеки от ноосферы... В эту эпоху не только эволюция окружающего мира должна пойти по новому руслу направляемого развития, но и человечеству предстоит качественно изменить собственную организацию. А это автоматически уже никак произойти не может” [Моисеев, 1989: с. 6]. Но если не автоматически, не стихийно, спонтанно, непреднамеренно, бессознательно и т.д., то как? Вариант единственный и очевидный: значит, сознательно, разумно, рационально, преднамеренно, целеустремленно, конструктивно. При этом возникает противоречие с известными основами либерального мировоззрения, в частности с якобы вечным и священным принципом

laissez faire — невмешательства, дозволения процессу (делу, событию) идти своим ходом. Этот принцип в XVIII веке выдвинули физиократы, но относился он скорее к природным явлениям, чем к общественным, что видно из самоназвания данного направления, рассматривающего труд в земледелии в качестве главного, если не единственного, источника общественного богатства. Позже этот лозунг трансформировался в принцип свободы торговли, частного предпринимательства, конкуренции и т.д., и наконец — в требование невмешательства государства в экономику и хозяйственную жизнь в целом. Отсюда популярные в политэкономии образы “невидимой руки рынка”, “ночного сторожа” (в отношении роли государства), “расширенного порядка человеческого сотрудничества”, “рассеянного знания” и др. Лозунг “*laissez faire*” изначально допускал возможность анархистских и нигилистических уклонов по отношению к государству, а также индивидуализм в межличностных отношениях. В постсоветских обществах на рубеже 1990-х годов именно эти тенденции свободной рыночной экономики оказались наиболее доступными для восприятия, особенно в молодежном поколении. В силу этого ноосферные идеи направленного развития, управляемых изменений, социального порядка и т.п. стали ассоциироваться с этатизмом и априори отвергаться.

Вместе с тем для большинства постсоветских стран выбор стратегического пути исторического движения остается неопределенным. Проблематичность состоит в том, что, с одной стороны, уход от социализма советского типа признан окончательным на политическом уровне и поддержан общественным мнением, но с другой — значительную часть населения путь в классический капитализм, мягко говоря, озадачивает, если не сказать пугает. Такие опасения вновь обострились в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2010 годов, окончательное преодоление которого не просматривается даже в развитых странах. Акоп Назаретян, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования, автор книги “Нелинейное будущее”, признав, что известные до сих пор катастрофические прогнозы не сбывались, предлагает еще один. “Сейчас, — по его словам, — глобальная эволюция вступила в режим беспримерного ускорения. Серия независимых расчетов показывает: к середине XXI века скорость эволюции устремится в бесконечность. Значит, нас ждет грандиозный фазовый переход, какого ни человечество, ни биосфера Земли еще не переживали. По глобальному значению это сопоставимо с возникновением жизни. Это может быть прорыв в новую космическую реальность, а может — конец планетарной эволюции, обвал, катастрофа, превращение Земли в “нормальное” космическое тело наподобие Луны или Марса” (цит. по: [Писаренко, 2013: с. 31]). Замечу, что прежние катастрофические прогнозы потому и не сбывались, что люди находили в себе силы противостоять всевозможным природным и социальным катаклизмам — землетрясениям, наводнениям, эпидемиям, войнам, техногенным авариям, экономическим кризисам и т.п., предотвращая их критический уровень.

Возможно, ноосферная парадигма способна открыть новые условия для позитивной конвергенции разных моделей развития с элиминированием их слабостей и недостатков, о чем мечтал А.Д.Сахаров. Настороженное отношение к данной парадигме, которая представлена в работах В.И.Вернадского, Т. де Шардена, Э.Леруа, Н.Н.Моисеева, В.А.Коптюга, А.И.Субетто, та-

ких постсоветских ученых, как белорусский экономист, академик НАН Беларуси П.Г.Никитенко и др., часто объясняют новизной понятийно-терминологического аппарата, неясностью эмпирической базы, сложностью идентификации ноосферных феноменов. Однако такого рода препятствия вполне преодолимы, и нечто подобное уже происходило в истории науки, например, при освоении теории трудовой стоимости А.Смита в экономике или позитивизма О.Конта и концепции эволюции институтов Г.Спенсера, теории социального действия М.Вебера и Т.Парсонса — в социологии. Первым шагом к такой работе может быть разработка сферного подхода в социологии с экспликацией понятия “сфера общества”.

Пифагор (570–500 до н.э.) был первым, кто перенес термин “сфера” из математики в другие области (философию, астрономию, музыку, эстетику) и придал ему более широкий смысл. В геометрии под сферой понимается фигура в трехмерном пространстве, все точки которой находятся на равном расстоянии от центра. В учении Пифагора сфера — это не просто поверхность шара, но и наиболее совершенная, равновесная и самодостаточная из всех фигур, а главное — представляющая семантическую структуру как образ “равного себе самому отовсюду”. Назвав впервые Вселенную Космосом (гр. *Kosmos* — порядок, пронизанный мерой, антипод хаоса), древнегреческий философ выдвинул идею гармонии небесных сфер, развитую его учениками и последователями. Под гармонией понималась архитектура космоса, устройство мироздания, “звездное небо над головой, наполняющее душу восторгом” (Кант). Открытие пифагорейцами количественных характеристик музыкальных соотношений воплотилось в применении такого метода и в космологии. Они считали, что каждая сфера определяется своим числом и сферное движение светил образует гармонию, “музыку сфер”, аналогичную тонам консонирующих интервалов и врачующую душу. Безусловно, идея гармоничной сферной организации мироздания как космоса, а также соответствующая терминология (космос, сфера, гармония, пропорция, порядок, мера и др.) получила широкое распространение в мировой культуре. С одной стороны, это дало толчок собственно научным исследованиям в самых разных областях, от астрономии до синергетики, с другой — мистические элементы пифагореизма явились благодатной почвой для развития таких паранаучных направлений, как эзотеризм, теософия, каббала, астрология и т.д. Такая двойственность присутствует и в фундаментальной парадигме русского космизма, ярким представителем которого стал Н.Ф.Федоров (1828–1903). По его учению, названному им “активным христианством”, пророчества апокалипсиса следует понимать не как “конец мира”, а как завершение космизации, то есть гармонизации и одухотворения мира через его *обожение* как реализацию заповедных норм и ценностей в отношении человека к природе и интерактивных связях внутри социума. Такой переход, считал Федоров, потребует отказа от бездумной эксплуатации природы в пользу ее регуляции; овладения космическими процессами, вплоть до заселения людьми космоса; психофизиологического совершенствования организма человека для жизни вне земной среды обитания; формирования, точнее регенерации родственного сознания, исключая враждебность, “небратство”, “чуждость”, агрессию и другие аномалии. Завершение космизации осуществляется по божественной воле, но действующей через единую соборность человечества, осознавшего необходимые преобразования как

перспективу “общего дела”. Процесс гармонизации и одушевления мира есть не что иное, как переход к ноосферному мышлению, к иному качеству биосферы и планетарных состояний в целом. Заметим, что некоторые идеи Федорова, например патрификации (воскрешения), питания человека за счет прямого усвоения космической энергии и др., воспринимаются сегодня как вненаучные, но ведь таким же в его время казалось и представление о том, что человек способен жить не на земле, а в космическом пространстве. Идея патрификации должна укрепить, по мнению автора, поколенческую солидарность, живую связь нынешних поколений со своими ушедшими предками. Для этого необходимо преодолеть бессознательные варварские ожидания того, чтобы предшественники освободили место вступающим в жизнь поколениям. Н.Ф.Федоров писал: “В себе человек — в своей нервной системе — носит образец регуляции вселенной” [Федоров, 1997: т. 3, с. 281]. Эту регулятивную способность “мирового разума” как совокупного интеллекта человечества Г.В.Ф.Гегель назвал “хитрость разума”, имея в виду надличностную силу, “заставляющую действовать для себя страсти индивидуумов” [Гегель, 1935: т. 8, с. 32].

В социологической литературе термин “сфера” долгое время после возникновения и институционализации социологии не использовался вообще или использовался в качестве собирательного понятия. Так, О.Конт, характеризуя структуру общества, говорит о составляющих его элементах, о трансляции изменений в одной части общества всем остальным. Выделенные им научные дисциплины должны изучать определенные “фрагменты” мироздания и только социология — целостность как системное единство. Г.Зиммель под структурными образованиями целостности понимает отдельные области общественной жизни: политику, экономику, правосудие и другие. Э.Дюркгейм связывает структуру с видами солидарности. Механической солидарности архаических обществ соответствует сегментарный тип морфологии: формы и внутреннего устройства целостности. Сегменты представляют собой внутренне однородные образования, возникающие вначале на клановой, а затем на территориальной основе. При органической солидарности индустриальных обществ возникает и становится доминирующим организованный тип морфологии, при котором город сливается с рынком, и исходными структурными единицами становятся такие формы организации, как поселенческие, торговые, производственные, страховые и прочие. У этих и ряда других авторов выражение “духовная сфера общества” приобретает собирательный смысл.

В марксизме намечена иная линия дифференциации общества, изложенная в известном положении Маркса о том, что “способ производства обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще” [Маркс, Энгельс, 1959: т. 13, с. 7]. Этот тезис рассматривался как методологическая посылка для выделения разных сфер общества и категоризации самого термина “сфера общественной жизни”. Характерно, что разработки в этом направлении осуществлялись главным образом отечественными учеными — философами, социологами, экономистами, юристами. И для этого были не только теоретико-методологические, но и практические основания, на которых есть смысл коротко остановиться.

Во-первых, в советском обществе сохранялись и в определенных случаях накапливались диспропорции в условиях повседневного жизнеобеспече-

ния и соответствующих трансфертов по линии общесоюзного государственного бюджета и бюджетов общественных организаций — профсоюзов, творческих союзов и других, а также взаимодействий между городом и деревней, республиками, регионами, отраслями народного хозяйства. Диспропорции касались не только зарплат и жилья, но и медицинских услуг, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, пассажирского транспорта, культпросветучреждений, детских садов и ясель, спортивных сооружений, социального обеспечения в целом.

Во-вторых, промышленные предприятия должны были создавать и поддерживать социальную инфраструктуру жизнеобеспечения своих работников — все то, что обобщенно называли “социалкой”. Например, Минский автозавод имел на своем балансе большой жилищный массив с соответствующими коммунальными, ремонтными и строительными службами, Дворец культуры с десятками кружков и секций, стадион, бассейн, комплекс общежитий, гостиницы, поликлинику, два дома отдыха, детский оздоровительный лагерь, баню, прачечную, автобусный парк для доставки рабочих из пригородных районов и много другое, вплоть до подсобных сельских хозяйств. Можно ли все эти виды услуг отнести, используя современную терминологию, к “социальному пакету”, предоставляемому предприятием работнику в дополнение к заработной плате? На первый взгляд ответ должен быть положительным. Все это работало на имидж предприятия, способствуя привлечению и закреплению кадров, но все эти социальные услуги финансировались из прибыли, что снижало эффективность производства. Кроме того, на таких предприятиях, как МАЗ, обычно имелась собственная учебная база: курсы ускоренной подготовки и переподготовки рабочих кадров, профессиональные училища, техникумы, даже филиалы вузов. В этом выражалась определенная тенденция к автаркии в области социального обеспечения, к образованию скрытого бартера по услугам, деформированию финансовых отношений, что, в итоге, искажало представления о стоимости труда и заработной плате. Не вдаваясь в детали, отмечу, что такую “социалку” могли позволить себе только крупные, высокорентабельные предприятия; малым и средним это было недоступно. Тем самым возникали дополнительные факторы дифференциации, не укладывающиеся в общую стратегию “преодоления классовых различий”, “сближения” города и деревни, профессиональных групп.

“Социальная инфраструктура и социальные фонды предприятий, — по словам А.К.Сулимовой, — носившие в советское время масштабный характер, стали неприемлемыми в рыночных условиях в силу очень больших издержек. Поэтому последовал массовый “сброс” социальной инфраструктуры, ведомственного жилья на местные бюджеты, сразу же ставшие в России повсеместно дефицитными. Возникло неуправляемое движение в сторону коммерциализации основных социальных услуг, то есть стихийное перекачивание финансовой нагрузки на доходы населения, как правило, без учета растущей дифференциации его доходов, социальной значимости равного доступа к основным социальным услугам” (цит. по: [Социальная политика, 2002: с. 75]). Одним словом, социальная политика, несмотря на ряд достижений, высоко оцениваемых населением, таких как всеобщая гарантированная занятость, пенсионное обеспечение, в том числе колхозников с 1965 года, бесплатность образования, медицины, спортивных и досуговых

учреждений, дотирование детских товаров, услуг ЖКХ и т.п., оказалась разбалансированной, несистемной, а потому и слабой, несмотря на ежегодный рост бюджетных расходов по этим статьям. Проведенные в то время исследования выявили два основных недостатка социальной политики: а) технократические подходы к социальным проблемам; б) остаточное финансирование развития социальной сферы.

В-третьих, в 1970-е годы в стране возникло движение под названием “Социальное планирование”. Оно зародилось на промышленных предприятиях. Так, в Минске “первые планы социального развития были разработаны в коллективах тракторного, автомобильного, электротехнического, часового заводов и других предприятий” (см.: [Лукашевич, Лагута и др., 1978: с. 3]). Впервые планирование социально-экономического развития опиралось не только на статистические данные, но и на широкие социологические исследования, выявлявшие интересы и ожидания населения, степень удовлетворенности различными видами обслуживания, оценки людьми доступности социальных благ, информированности об их наличии, а также замечания и предложения респондентов. План города Минска был отмечен Золотой медалью ВДНХ, наградных знаков удостоились и социологи Г.П. Давидюк, Н.Г. Юркевич, С.А. Шавель и др. Смысл социального планирования заключался в том, чтобы более адресно направить бюджетные и внебюджетные средства на решение социальных проблем; выявить и более эффективно использовать резервы человеческого и социального капитала; скоординировать в масштабах района, города планы отдельных предприятий и сконцентрировать их усилия на развитии общей для всех жителей инфраструктуры. В Минске многие социальные проблемы в то время вызывались резким увеличением численности населения: с 1960-го по 1975 год более чем в 2 раза, с 556,1 до 1169,0 тыс. человек. При этом соотношения обслуживаемой группы к градообразующей (промышленно-производственной) сохранялось на прежнем уровне и составляло 25,2%, и лишь к 1980 году намечился рост до 28% [Лукашевич, Лагута и др., 1978: с. 5]. Для сравнения замечу, что, например, в Тбилиси это соотношение равнялось примерно 50%. Кстати, после распада СССР у Грузии возникли серьезные проблемы в связи с недостаточным развитием производственных отраслей, что наряду с другими факторами подтолкнуло политическое руководство страны — Гамсахурдиа, Саакашвили — к иррациональным действиям.

Таким образом, на повестку дня выдвинулось теоретическое обоснование социальной политики как единого многоуровневого и многоотраслевого комплекса по непосредственному жизнеобеспечению населения, аналогичного таким комплексам, как военно-промышленный, топливно-энергетический, аграрно-производственный и другие. Для этого необходимо было прежде всего провести концептуализацию, раскрыть содержание и структуру того объекта, который подлежал регулированию, то есть социальной сферы общества, ее отраслей и их обратного влияния на экономику. По этому поводу один из активных разработчиков данной проблематики В.С. Барулин справедливо отмечал: “Камнем преткновения выступает в данном случае выделение сферы социальной жизни общества” [Марксистско-ленинская теория, 1983: т. 2, с. 50–51]. Действительно, трудности эмпирической идентификации социальной сферы очевидны. Если экономика и политика как подсистемы общества вполне однозначно презентуют себя на эмпи-

рическом уровне через особые типы отношений и соответствующие им институты — будь то собственность в экономике или государство в политике, а духовная жизнь — через язык, средства коммуникации, культуру, литературу, искусство, через формы общественного сознания, то понятие “социальное” кажется неуловимым. Повседневные социальные практики — общение, сотрудничество, аффилиация, идентификация и др. не имеют столь очевидной эмпирической представленности в определенных отношениях и институтах. “Человек, — по точному наблюдению П.Бергера, — есть не *еще* и социальное существо (помимо биологического и индивидуального. — С.Ш.) — он социален в каждом аспекте своего бытия, доступного эмпирическому исследованию” [Бергер, 1995: с. 170]. Образно говоря, человек несет свою социальность во все виды деятельности, круги общения, места проживания, в любые ситуации, в которые он так или иначе включен. Подобное всепроникновение социального рождает немалые трудности при дефиниции сложных понятий, в которых исходный термин сочетается с прилагательным “социальное”. Применительно к социальной сфере трудности удваиваются, поскольку должен быть категоризован основной термин “сфера”.

Западные исследователи — философы, социологи, экономисты и др. — отказались от разработки сферного подхода и от самого понятия “социальная сфера”. В практическом плане они говорят о социальных программах, проектах и конкретных видах социальных услуг. Например, Ф.Хайек составил, как он пишет, “весьма поучительный список из более чем 160-ти существительных, определяемых прилагательным “социальный” (“общественный”)” [Хайек, 1992: с. 198], но в этом списке нет таких терминов, как “сфера”, “неравенство” или “капитал”. При этом он предложил вообще отказаться от терминов “общество” и “социальное” и всех их производных. Обосновывая свои “терминологические инвективы”, Хайек признавался: “Всякий призыв быть “социальными” (“общественными”) есть подталкивание нас к еще одному шагу в сторону “социальной справедливости” социализма” [Хайек, 1992: с. 203].

Разумеется, научный аппарат изменяется; если уходят те термины (понятия, категории), несостоятельность которых доказана, на их место приходят новые, более адекватные (например, в естествознании термин “кислород” занял место “флогистона”, “гелиоцентризм” — “геоцентризм” и т.д.). Однако одномоментное изъятие центрального блока социологических терминов по неким вненаучным соображениям, как предлагает Хайек, нанесло бы непоправимый ущерб всей социогуманитарной науке. Парадоксально, но сам Хайек получил Нобелевскую премию по экономике в 1973 году за “глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений”.

Отсутствие в социологических работах известных авторов категории “социальная сфера”, на мой взгляд, ослабляет их эвристический потенциал. Так, теория структуризации Э.Гидденса представляется незавершенной, поскольку ни институты, ни социальные практики (правила и ресурсы как структуры) не сведены в определенные устойчивые комплексы, взаимодействие между которыми обеспечивает жизнеспособность общественной системы как “страны-государства”.

В работах М.Арчер следует отметить принципиально важный для концептуализации сферного подхода в социологии анализ эмерджентных

свойств общества. Казалось бы, только у нас заклеянная в свое время “эмерджентная эволюция” (К.Л.Морган, С.Александр) дала основания табуировать использование данного ряда терминов. Но вот М.Арчер пишет: “Поскольку социальные теоретики робеют перед “эмерджентностью”, у нас (то есть в Англии. — С.Ш.), действительно, не так-то много конкретных примеров того, как подходят к “досадному факту” (слова Дюркгейма) общества” [Арчер, 1994: с. 50]. Это происходит, по едкому замечанию автора, из-за опасений, “что “редукционизм” и “реификация” — это дорожные указатели на пути в ад”.

Под эмерджентными свойствами общества понимаются, как следует из этимологии (англ. *emergent* — внезапно возникающий), неожиданно появляющиеся новые черты, признаки, формы и отношения. Но возникают они не из пустоты или “игры случая”, но из предсуществующих (латентно до времени) социальных форм. Они обладают причиняющей силой, но не как причинность в природе, а как обуславливающие последующую интеракцию. Арчер полемизирует не только с близким по духу, реалистом Р.Бхаскаром [Бхаскар, 1991: вып. 1], но и с номиналистом Э.Гидденсом. Так, по ее мнению, “термин “структурация” отдает волонтаризмом”, а сведение эмерджентности к “следам памяти”, как это делает Гидденс, “являет собой один из примеров отчаянной попытки втиснуть неуловимое социальное в якобы более осязаемые рамки индивидуального” [Арчер, 1994: с. 54].

Дюркгейм назвал общество “досадным фактом” за онтологическую причудливость социальной реальности, которая, в отличие от природной, не самодостаточна, так как целиком определяется, детерминируется человеческой деятельностью. Но чья деятельность, за что и когда ответственна? Арчер утверждает: “Путаница в ответах на эти вопросы происходит из-за слишком резкого и совершенно ненужного логического перехода от банального положения “нет людей — нет общества” к в высшей степени сомнительному утверждению “вот это общество, ибо эти люди — здесь” [Арчер, 1994: с. 56]. В этом споре много примеров обращения к образам, аналогиям. Так, Гидденс уподобляет “общество” рулону цельнотканого полотна, Бхаскар — скульптуре, Арчер — платью, передаваемому по наследству. Думается, более уместно будет сослаться на французского психолога А.Пьерона: “Если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой в живых остались бы только дети, а взрослое население погибло, то хотя человеческий род и не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию” (цит. по: [Леонтьев, 1981: с. 423]). Как видим, психолог до предела обострил проблему социального наследования. Индивидуы, в иллюстрации Пьерона, остались, а общество исчезло, история человечества должна была бы начаться вновь, еще труднее, чем после библейского Потопа.

Эмерджентность связана в первую очередь с достоянием предыдущих поколений, сохраняющимся в материальных сооружениях, в памятниках культуры и т.п. “Старинное снадобье, — подчеркивает Арчер, — обладающее лечебными свойствами, будет лечить и через сто лет, если его рецепт заново обнаружат и опробуют. В этом случае знания *активируют*, а не осуществляют (это совершенно разные вещи). Эмерджентные культурные свойства вводятся здесь в качестве еще одной широкой категории социального, кото-

рая онтологически не зависит от деятельности людей здесь и теперь” [Арчер, 1994: с. 59].

Можно припомнить, что Г. Спенсер (1820–1903) одним из первых предложил типологию социальных институтов, выделив следующие 6 типов: 1) домашние; 2) церемониальные; обрядовые; 3) политические; 4) церковные; 5) профессиональные; 6) промышленные. Безусловно, это была серьезная попытка структурного анализа общества, однако методология, сводящая общество к биологическому организму, хотя бы по аналогии, не позволила создать адекватную теорию социальной структуры общества. Выделенные институты рассматривались сами по себе, другие — не укладывающиеся в такого рода аналогии, например, образовательные, научные, правовые, торговые — в анализ не включались.

Т. Парсонс для обозначения высшего уровня системных образований использовал термин “социетальный”. Так, характеризуя взаимопроникновение религиозного и светского в западном мире, он отмечает: “Верховный социетальный коллектив стал государством, управляемым мирянами” [Парсонс, 2002: с. 586]. Данный термин требует категоризации, что связано с тем, что многозначность понятия “общество” затрудняет выделение разных по содержанию классов объектов. Например, Ф. Хайек вообще заявлял: “Я дал себе зарок никогда не употреблять слова “общество” (*society*) или “социальный” (*social*)” [Хайек, 1992: с. 189]. Но если Хайек при этом не предложил каких-нибудь новых терминов, то Парсонс, пытаясь уточнить и усовершенствовать понятийный аппарат, писал: “Многие социальные системы, такие как местная община, школа, предпринимательская фирма и единица родства, — это не общества, а подсистемы общества” [Парсонс, 2002: с. 785]. К числу наиболее развитых в структурном плане обществ современного типа Парсонс отнес Соединенные Штаты, Советский Союз и Японию. Таким образом, под социетальным обществом он понимает “страну-государство”, обладающую — наряду с воспроизводством населения путем рождения и географическими границами территории — высокой степенью самодостаточности, социокультурной и гражданской идентичностью, ценностным единством, законодательной системой и т.п. Соответственно, социетальный порядок характеризует уровень организации такого общества как целостности.

Первое, на что обращает внимание Парсонс, — это “универсальное отождествление структуры высшего коллектива с политической организацией” и объединение последней с правовой системой. “Нет такого общества, — поясняет он, — которое отважилось бы допустить, чтобы какой-либо другой нормативный порядок взял верх над порядком, санкционированным политически организованным обществом. Действительно, провозглашение любого такого альтернативного порядка есть революционный акт, и органы, ответственные за это, должны отвечать за свои действия на правах политической организации” [Парсонс, 2002: с. 588]. Что касается роли революций в обеспечении социального порядка, то Парсонс следует линии Конта, Токвиля, Плеханова, делавших ставку на реформы, но не Маркса, называвшего революции “локомотивами истории”, и Ленина, утверждавшего, что главный вопрос революции — “переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса*”. По Парсонсу, решающее значение для создания и поддержания социетального порядка имеют процессы институционализации и координации взаимодействия институтов.

Под институционализацией можно понимать превращение определенных общественных функций в социальные институты с приданием им соответствующего статуса. С содержательной точки зрения, институционализация означает легализацию (узаконивание) и легитимацию социально значимых повседневных практик, схем отношений, правил поведения, норм деятельности, символических систем, направленных на поддержание стабильности и повышение жизнеспособности социума. Если легализация представляет собой законодательное оформление определенного института, то легитимация есть признание населением тех или иных институтов и действий, в том числе правовых норм и управленческих решений, соответствующими ожиданиям и перспективам развития с точки зрения духа законов, морали, принимая во внимание потенциальные возможности. Моральный аспект здесь важен, поскольку нормы права не могут охватывать все стороны жизни общества и личности, например такие, как индивидуальное потребление, предпочтения в межличностных отношениях, выбор профессии, досуговые занятия и др. В этих сферах велика роль общественного мнения, хотя сегодня оно не столь однозначно и категорично в своих оценках, как в традиционном сельском мире.

Парсонс выделяет четыре типа институтов: 1) реляционные — формирующие сами отношения (роли, позиции) в социальной системе; 2) регулятивные — поддерживающие баланс интересов с помощью распределения вознаграждений, доступа к социальным благам, ресурсам, информации и т. д.; 3) культурные — определяющие сферу экспрессивных символов, культурных ориентаций, убеждений и “даже моделей моральной ценностной ориентации, когда в игру входит только *признание*, а не включенность в действие”, то есть религия и идеология; 4) интегративные — обеспечивающие стабильность и целостность системы, реализацию общих целей, “общественного блага”.

Институты направляют процессы деятельности, создавая соответствующие механизмы стимулирования, мотивации и социального контроля. В частности, вводятся ограничения институционального уровня на те или другие действия, способные нарушить социальный порядок. Так, Парсонс отмечает, что хотя в современном американском обществе достижение прибыли санкционировано как приемлемая цель для индивидов и других субъектов хозяйственной деятельности, тем не менее продажа ради прибыли “некоторых морально цензурируемых развлечений” запрещена, ограничиваются “попытки достижения цели при помощи силы или обмана”, регулируется “производство оружия и некоторых видов публичных услуг” [Парсонс, 2002: с. 125]. Разумеется, такие ограничения есть, но вряд ли их можно признать достаточно эффективными.

Особое значение в парсонсовской модели социетального порядка имеет “четырёхфункциональная парадигма”. Общество для своего сохранения и развития должно выполнять некоторый минимум функциональных предписаний или императивов: адаптации, целедостижения, сохранения (латентности) и интеграции.

Адаптация есть способ взаимодействия социальной системы с окружающей средой, позволяющий не просто приспосабливаться к ее изменениям, но осваивать природные ресурсы, климатические и другие факторы за счет рациональной организации производственного потенциала (распреде-

ния людей, средств производства, орудий труда и др.). Этот императив реализует экономика.

Целедостижение предполагает обоснование стратегии развития: правильную постановку целей, выбор приоритетов на основании, с одной стороны, потребностей и ожиданий людей, с другой — реальной оценки возможностей, в том числе и того, насколько общество способно осуществить намеченное. Данное функциональное предписание входит в компетенцию политики, прежде всего, государственных органов, политических партий и других организаций.

Поддержание образца (или латентность) — сохранение и трансляция общесистемных стандартов действия, паттернов отношений, символических кодов социума. Термин “латентность” показывает, что такие образцы (символы, стандарты) не существуют непосредственно — они скрыты в самой культуре, и несоциализированному индивиду, прежде всего, необходимо понять и принять их символическое содержание. За выполнение данного императива отвечают институты семьи, образования, СМИ и др.

Интеграция — обозначает требование координации совместной деятельности, солидарности и сотрудничества, несмотря на возможные расхождения интересов, эмоциональное напряжение или противоречия в механизмах распределения тех или иных благ. В религиозном обществе интеграция обеспечивается прежде всего религией, в светском — идеологией и другими культурными регулятивами, в современных смешанных обществах — их совместными усилиями.

Каждая из выделенных четырех подсистем взаимодействует с другими таким образом, что, используя имеющиеся у нее средства (капиталы), вносит определенные вклады в их развитие и, соответственно, приобретает от них то, что необходимо для выполнения ее функциональных императивов. Например, экономическая подсистема получает от подсистемы политики цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни и т.п.; от интегративной подсистемы — лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, минимизацию конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма; от подсистемы латентности — готовность людей к экономической деятельности, социализированность и мотивированность индивидов, профессионализм работников. В свою очередь, вклад экономики в другие подсистемы — это не только материальные средства к жизни, но и новые рабочие места, возможности выбора профессии, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, Интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальная мобильность, миграции, условия самореализации индивида.

На уровне взаимообменов между основными сферами общества прежние категории (консистентность ориентации, согласование и взаимодополнение ожиданий и др.) не дают ключа к координированности действий институтов, тогда как социетальный порядок требует эквивалентности обменов (входов — выходов) между подсистемами. Если, например, экономика ориентирована на “производство ради производства” или на “прибыль любой ценой”, то процессы обмена нарушаются, возникают явления дисбаланса, личностной демотивации, что отрицательно сказывается на стабильности и устойчивости общества как целостной системы.

Другой предпосылкой социетального порядка выступает принцип иерархии символических средств обмена и коммуникации: ценностных обязательств, влияния, власти и денег. По Парсонсу, на вершине иерархии должны находиться “ценностные обязательства”, понимаемые как “привязанность” и “обобщенная способность вносить ценности в жизнь”. В процессах обмена и коммуникации ценностное обязательство является “оборотным средством”, которое может накапливаться (подобно деньгам) институтами, партиями и отдельными лицами, обладающими моральным авторитетом и высоким уровнем доверия — носителями харизмы. Парсонс вообще считал одним из самых значительных достижений социологической науки веберовский анализ харизматического лидерства. Харизматик расширяет “банк ценностных обязательств” (число приверженцев и последователей) и на этой основе может реорганизовать всю существующую систему институционализированных ценностей. Как это делали основатели мировых религий.

На втором месте — “влияние” как символическое средство социальных коммуникаций и обмена. В его основе социальная солидарность, воплощающаяся в идентификации по признакам гражданства, партийности, ассоциации и др. Добровольные объединения людей можно рассматривать как “банки влияния”, которое лидеры могут использовать для повышения своей репутации, завоевания электорального большинства.

Далее идут такие символические средства, как власть и деньги. Иерархия символических средств обеспечивает информационную регуляцию социетального порядка. Так, подсистема латентности, производящая ценностные обязательства, информационно регулирует процессы интеграции и соответствующие ей “банки влияния”. Подсистема интеграции, в свою очередь, информационно регулирует подсистему целеполагания (“банки власти”), а последняя — подсистему адаптации, то есть экономику с таким ее символическим оборотным средством, как деньги.

Нарушение информационного порядка, — когда, например, деньги становятся выше ценностных обязательств, влияния или власти, либо власть выше ценностных обязательств и влияния (более высоких в парсонсовской иерархии), — ведет к дезорганизации общества.

Таким образом, Парсонс создал сложную разветвленную многоуровневую модель социального порядка. Важно учитывать, что это теоретико-аналитическая модель, а не просто отражение эмпирической реальности, то есть в ней есть определенная система координат (понятийная сетка), позволяющая ставить и исследовать конкретные социальные проблемы. “Я берусь утверждать, — отмечал Парсонс, — что такой вклад может быть подлинно эмпирическим” [Парсонс, 2002: с. 24]. В этой связи не совсем понятна и обоснованна претензия Д. Уэлша, утверждающего, что Парсонс скорее теоретически сформулировал, чем разрешил проблему социального порядка, тем более, что предлагаемая феноменологами “игровая модель”, пожалуй, снимает проблему социального порядка, сводя его к субъективному конструированию мира [Уэлш, 1978: с. 119]. В отличие от Хайека Парсонс не исключает из своей концептуальной схемы ни государство, ни общественные институты и не видит в рынке только экономическое явление. Он подчеркивает: “Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории” [Парсонс, 2002:

с. 57]. Экономическая теория рассматривает только три из шести выделенных Парсонсом рынков (рынок ресурсов, рынок труда и рынок норм распределения), оставляя вне своего внимания рынок ценностных обязательств, рынок средств влияния и рынок политической поддержки. Термин “порядок” уточняется Парсонсом применительно к конкретным уровням анализа: единичного действия, интерактивной диады, системы действия и социального общества. На социетальном уровне порядок — это не просто некоторое состояние общества, а “желательный тип социальной системы”. Эта идея позволяет подойти к изучению социального порядка с учетом представлений людей о “должном”, их ожиданий и оценок, а значит, проводить компаративный анализ данного феномена в различных регионах страны.

Отсутствие в модели Парсонса понятия социальной сферы отчасти компенсируется введением других терминов. Так, Парсонс вводит понятие “социетальная общность” (“societal community”), возникающая путем интеграции всех подсистем и структур низшего уровня. Это возвращает нас к различению общины и общества, предложенному Ф.Теннисом. При этом у Парсонса не вполне обосновано выражение “фидуциарная подсистема” (цит. по: [История теоретической социологии, 1998: т. 4, с. 211]), реализующая функцию сохранения образца. Этимологически термин “фидуции” обозначает отношение на основе презумпции доверия (общей веры), поэтому он скорее подходит для характеристики межличностных контактов в рамках общины, чем латентных форм культуры.

Наконец, обратимся к Н.Луману (1927–1998), который в разработке “Мирового общества” (“Общества обществ”), особенно в учении о системной дифференциации, вплотную подошел к сферным представлениям. Так, он выделяет “разнообразные жизнеустройства”, такие как экономика, политика, религия и др. Отмечу две важные методологические посылки, сформулированные Н.Луманом. Во-первых, это положение о том, что “все прочие дифференциации являются следствием дифференциаций системных, т.е. могут быть объяснены последними” [Луман, 2006: с. 8]. Под прочими имеются в виду такие исторические формы дифференциации, как сегментарная, стратификационная и функциональная, а также бесконечные различия “ролей или вкуса, понятий или терминов в максимально обобщенном смысле” [Луман, 2006: с. 8]. При этом системной дифференциацией называется внутренняя дифференциация уже сформировавшейся целостности, в отличие от выделения (отдифференциации) из неразграниченного мира. Во-вторых, Луман подчеркивает: “Речь идет не о декомпозиции некоего “целого” на “части” — ни в понятийном смысле (*divisio*), ни в смысле реального разделения (*partitio*). Скорее каждая частная система (точнее подсистема. — С.Ш.) воспроизводит охватывающую систему, к которой она принадлежит, посредством *собственного* (специфического для частной системы) различения системы и окружающего мира” [Луман, 2006: с. 9–10]. В качестве примера приводится дифференциация по типу поселений. Историческое становление города приносило новое различие, связанное с преимуществами централизации, благодаря чему люди “постепенно ориентируются на то, что имеется и город, где живут другой, отличной от сельской, жизнью, и он, будучи для села окружающим миром, изменяет ее [жизни] возможности” [Луман, 2006: с. 10]. Действительно, схема “часть–целое” удобна для анализа территориально-административного или регионального деления об-

щества как единой суверенной целостности (страны-государства). Вместе с тем первое правило квалиметрии гласит, что нельзя сравнивать то, что не имеет общей меры, например тонны и километры. Второе правило — уже философское — запрещает учитывать несущественные различия. Еще Гегель заметил, что человек отличается от животных мягкой мочкой уха, но это несущественное отличие, и строить на нем дефиницию столь же нелепо, как назвать человека “двуногим без перьев”. Однако Луман полностью игнорирует при этом момент сходства, что может оборачиваться релятивизмом. Город и село не являются рядоположенными, и каждое из них является окружающей средой для другого. В истории цивилизации долгое время именно село окружало город, а не наоборот (хотя это не имеет принципиального значения). Главное, что благодаря собственным различиям села городом и города селом общество развивается как “система в самой себе” до известной степени, умножается посредством все новых внутренних различий [Луман, 2006: с. 10].

Безусловно, анализ общества как соотношения части и целого неадекватен, он возрождает досистемные представления о целом как арифметической сумме частей, аддитивном множестве. Между тем важнейшей характеристикой системы является то, что она как целое есть нечто большее, чем сумма ее частей, то есть представляет собой неаддитивное множество. К тому же интуитивно чувствуется, что город и село, политика и экономика и другие внутренние деления общества не сводятся к его частям. Но если так, то как они образуются и каков их категориальный статус? Здесь, на мой взгляд, Луман подошел к понятию “сфера общества”, но не использовал его именно потому, что, как говорят, не имелось прецедента.

* * *

Как отмечалось выше, попытки категоризации термина “сфера общества” предпринимались в советской философии и социологии, но, к сожалению, не доведены до логического завершения. Здесь будет предложено следующее определение данного понятия: *сфера общества представляет собой кластер институтов, с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др., объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующую с ними в процессах системного воспроизводства социального общества (страны-государства)*. Под *социальной сферой* понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем, и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др.

Институт является исходной и фундаментальной структурой общества — от первых шагов социогенеза (род, семья, традиции, ритуалы и т.д.) до наших дней. Он формирует нормативно-ценностную модель поведения и отношений, вначале путем селекции и кумуляции жизненного опыта, по-

вседневных практик, позже — исходя из развивающихся потребностей социума; осуществляет мобилизацию сил и ресурсов, регуляцию и контроль, вносит необходимые коррективы, используя разнообразные релевантные стимулы, а также положительные и отрицательные санкции. При всем многообразии институтов (как и вариантов их восприятия и оценок индивидами), в них сохраняется главное, а именно то, что институты — каждый по своему предназначению — упорядочивают жизнь, предотвращают хаос и дезорганизацию. Каждый институт должен представлять и защищать интересы тех, кого он объединяет, но вместе с тем и поднимать эти частные групповые интересы на системный уровень, согласовывать их с общественными целями. Если последнего нет, то не исключена деинституционализация тех или иных сообществ, как это и бывает в мафиозных кланах, террористических бандах, шайках и т.п.

Источники

- Арчер М.* Реализм и морфогенез // Социологический журнал. — 1994. — № 4.
- Бергер П.Л.* Общество в человеке // Социологический журнал. — 1995. — № 2.
- Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. — М., 2008.
- Бхаскар Р.* Общества Социо-Логос // Общество и сферы смысла. — 1991. — Вып. 1. — С. 219–241.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия истории // Сочинения. — М., 1935. — Т. 8.
- История теоретической социологии : В 4-х т. — М., 1998. — Т. 3.
- Комплексный план экономического и социального развития города Минска на 1976–1980-е годы / Под ред. С.М.Лукашевича, С.С.Лагуты, А.Е.Железко. — Минск, 1978.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. — М., 1981.
- Луман Н.* Дифференциация. — М., 2006.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М., 1959. — Т. 13.
- Марксистско-ленинская теория исторического процесса : В 2-х т. — М., 1983. — Т. 2.
- Моисеев Н.Н.* Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. — 1989. — №5.
- Никитенко П.Г.* Ноосферное экономическое мышление и ноосферная экономика: теория и методология. — Минск, 2008.
- Парсонс Т.* О социальных системах. — М., 2002.
- Писаренко Д.* Человек уже не тот // Аргументы и факты. — 2013. — 4 сентября.
- Социальная политика : Учебник / Под ред. Н.А.Волгина. — М., 2002.
- Уэли Д.С.* Функционализм и теория систем // Новые направления в социологической теории. — М., 1978.
- Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений : В 4-х т. — М., 1997. — Т. 3.
- Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. — М., 1992.
- Шарден Т. де.* Феномен человека. — М., 1987.